

УДК 821.511:142

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-653-662

Символика цветов в хантыйской лирике

Е. В. Косинцева

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
Kosintseva_elen@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена актуальной в условиях современного финно-угорского литературоведения проблеме символики образа. Предметом анализа стала символика цветов в творчестве хантыйских поэтов.

Цель: раскрыть символику цветов как компонент флоропоэтики в хантыйской лирике.

Материалы исследования: основу исследования составляют произведения М. И. Новьюхова, вошедшие в книгу «С надеждой на счастье» (2012) и М. И. Шульгина из книги «Мави Ас. Медовая Обь» (2009), а так же отдельные стихотворения В. С. Волдина, Р. П. Ругина, М. К. Вагатовой, Л. Я. Шульгиной.

Результаты и научная новизна. В статье впервые подвергается анализу цветочная образность хантыйской лирики как важная составляющая образной системы и флоропоэтики хантыйской литературы. В фокус внимания попали произведения с номинацией «цветок», «роза», «фиалка», «ромашка», «василёк», «подснежник», «георгин», «черёмуха», «сирень», а так же «мята» и «крапива» шести хантыйских поэтов. Исследование показало, что цветочный словарь М. И. Новьюхова один из самых многозначных в хантыйской поэзии; что цветочная образность в хантыйской лирике связана с развитием таких тем, как природы, поэта и поэзии, любви, а так же дружественных мотивов, мотива памяти; что цветы стали частью философских размышлений о жизни и смерти. С цветами связан образ возлюбленной, эстетика прекрасного в хантыйской поэзии. Цветочная образность хантыйской лирики дополняется ольфакторным и цветовым кодами, показывает живую связь с мировой литературой.

Ключевые слова: хантыйская литература, символика образа, символика цветов, цветочная образность, флоропоэтика, М. И. Новьюхов, М. И. Шульгин.

Для цитирования: Косинцева Е. В. Символика цветов в хантыйской лирике // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 653–662.

Symbolism of flowers in Khanty lyrics

E. V. Kosintseva

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
Kosintseva_elen@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the actual problem of symbolism of the image in the conditions of modern Finno-Ugric literary criticism. The subject of the analysis is the symbolism of flowers in the works of Khanty poets.

Objective: to reveal the symbolism of flowers as a component of floral poetics in the Khanty lyrics.

Research materials: works by M. I. Novyukhov, included in the book «With the hope of happiness» (2012) and M. I. Shulgin from the book «Mavi As Honey Ob» (2009), as well as some poems by V. S. Voldin, R. P. Rugin, M. K. Vagatova, L. Y. Shulgina.

Results and novelty of the research: the paper first analyzed the floral imagery of the lyrics of the Khanty lyrics as an important component of the image system and floral poetics of Khanty literature. The focus of attention were works with the nomination «flower», «rose», «violet», «daisy», «cornflower», «dahlia», «cherry», «lilac», as well as «mint» and «nettle» of six Khanty poets. The study showed that the floral dictionary

by M. I. Novyukhov is one of the most valued in the Khanty poetry; the floral imagery in the Khanty lyrics associated with the development of topics such as the nature of the poet and poetry, love and friendly motives, the motif of memory; flowers have become part of philosophical reflections on life and death. Flowers are associated with the image of the beloved, the aesthetics of beauty in Khanty poetry. The floral imagery of Khanty lyrics is complemented by olfactor and color codes, shows a living connection with folk culture and world literature.

Key words: Khanty literature, the symbolism of the image, the symbolism of flowers, floral imagery, floral poetics, M. I. Novyukhov, M. I. Shulgin.

For citation: Kosintseva E. V. Symbolism of flowers in Khanty lyrics // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (4): 653–662.

Введение

Образная система поэзии всегда строится на сочетании традиционного и нового. Таким новым явлением в хантыйской поэзии стала цветочная образность, вобравшая в себя элементы народной культуры и традиции мировой литературы.

Символика растений получила широкое распространение не только в литературе, искусстве, но и повседневной жизни. Считается, что европейский язык цветов возник благодаря «Турецким письмам» супруги британского посла в Турции леди Мэри Уортли Монтагю, опубликованным в 1763 году, которая описала турецкую игру «Селам» («Приветствие»). В этой игре цветами, листья, травами, пряностями, жемчугом составлялись послания, так как за каждым отдельным атрибутом был закреплён короткий стих. В 1811 году в Париже была опубликована книга Б. Делашене «Азбука Флоры, или Язык цветов», получившая широкую известность в России, а в 1830 году в Петербурге увидело свет издание «Селам, или Язык цветов».

Цветочная символика вызывает неизменный интерес как отечественных, так и зарубежных учёных [26; 28; 29; 30; 31; 32], которые пишут о символике цветов в литературе определённого периода [1; 15; 20; 21; 24], анализируют цветочную образность в творчестве того или иного автора [14; 17; 22; 27], проводят сопоставительные исследования [2; 3; 5; 10; 13]. Внимание уделяется как номинации «цветы», так и собственным наименованиям цветов (роза, фиалка и проч.). Семантика флористических образов раскрывается через легенды и предания [4; 9; 12; 23], широко представлена в словарях, энциклопедиях образов и символов. Однако в обско-угорском литературоведении цветочная образность не становилось предметом самостоятельного научного изучения.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили произведения М. И. Новьихова, вошедшие в книгу «С надеждой на счастье» (2012), М. И. Шульгина из книги «Мави Ас. Медовая Обь» (2009), отдельные стихотворения В. С. Волдина, Р. П. Ругина, М. К. Вагатовой, Л. Я. Шульгиной. В работе использованы историко-культурный и сопоставительный методы, а также современные подходы к литературоведческому анализу художественного текста.

Результаты

Цветы – редкое явление в образной системе хантыйской поэзии. Поэты не часто используют цветы в своих произведениях (даже в любовной лирике), что, возможно, обусловлено естественной скупостью флористического пейзажа суровых климатических условий Севера. Исключение составляет творчество Матвея Ивановича Новьихова (1928–1992), в наследии которого представлены цветы. Ещё можно выделить несколько стихотворений Микуля Ивановича Шульгина (1940–2007), Владимира Семёновича Волдина (1938–1971), Романа Прокопьевича Ругина (1939–2016), Марии Кузьминичны Вагатовой (1936 г.р.), Любови Яковлевны Шульгиной (1960 г.р.), в которых так же фигурируют цветы.

Анализируя лирику М. И. Новьихова, представленную в книге «С надеждой на счастье» (2012), видим, что поэт использует как обобщённое понятие «цветы», так и собственную номинацию цветка (роза, фиалка, василёк, ромашка и другие). В стихотворении «Утро в лесу» он признается:

И сердце полно откровений...

И сердцу всё ближе, милей
могучее царство растений,
дремучее царство зверей. [16, 165]

Чаще всего поэт связывает цветы со временем года. Они выступают символом весны, тепла, радости жизни («Майская песня»). Краски весны сопровождает песня жаворонка в стихотворении «Жаворонок» другого хантыйского поэта М. И. Шульгина и «От песни этой расцветают / Самые душистые цветы...». Автор поэтических строк стремится воздействовать на разные органы чувств (слух, обоняние), рисуя картину пробуждения приобского края. Весна дарит первые цветы, не случайно поэт в стихотворении «Май» дополняет жизнерадостную картину лесного уюта подснежниками, сравнивая их со свечами.

Олицетворяя природу, хантыйские поэты и цветы наделяют способностями к коммуникации: говорить, петь, шептать (М. И. Новьухов «Не пророк, не предсказатель я...», «Надежде», «Утро в лесу»; В. С. Волдин «Летом»), к перемещению: танцевать (М. И. Новьухов «Белые стены, белая печь...»), выбегать (М. И. Новьухов «Утро в лесу»). Антропоморфизм цветов в лирике усиливается детализацией. Так, М. И. Шульгин утверждает, что «у цветов смородиновый глаз», М. И. Новьухов говорит о «тоненьких ножках» цветов:

Навстречу заре выбегают
На тоненьких ножках цветы,
и с песней любви окружают,
деревья, ручьи и кусты. [16, 165]

Цветы обретают более широкую семантику в хантыйской лирике. С цветами М. И. Новьухов сравнивает рождение лирических строк в душе. Подтверждение этому находим в стихотворении «Ни хореев, ни ямбов не знаю...». Да и сам процесс появления стихов он уподобляет распусканию сказочного цветка («На лирику С. Есенина»). Даже поэтов именует цветами в стихотворении «Когда я пою о цветах, что в саду...». В этом произведении средством защиты сочинителей и их творений от нападок редакторов становится крапива. «Латинское название крапивы – *urtica*, одним из переводов которого является слово «жгущая». Это травянистый многолетник (или однолетник) высотой от 60 до 150 см, зеленоватые и мелкие цветки которого собраны в углах листьев серёжками. Жгучие волоски покрывают стебли и листья, и ожог крапивой довольно болезнен. Таким способом растение пытается защититься от травоядных животных. Именно из-за этих волосков, в которых, кроме всего прочего, содержится

ещё и муравьиная кислота, крапива и получила своё «латинское» название» [7]:

Крапиву никто не берёт для стихов,
но нету растенья полезней.

Я ею бы выпорол редакторов;
они растоптали немало цветов
в советской лирической песне. [16, 40]

О пользе растения, и не только в воспитательных целях, говорят разные источники. Её применяют в медицине, в текстильной промышленности, в сельском хозяйстве, в кулинарии. Многие народы с давних времён использовали крапиву как оберег. «Считалось, что если перед входом в дом постелить коврик из крапивы, зло обойдёт этот дом стороной. Верили, что листья крапивы, прятанные под стельками обуви, уберегут своего обладателя от тёмных сил. Листья крапивы, положенные в углу детской комнаты, помогали малышу справиться со всеми страхами, улучшали его сон и здоровье. Веточками крапивы окуривали комнату для снятия сглаза и порчи. Крапивным венком выметали всю нечисть из дома. Считалось, что крапивный амулет способен усилить положительные качества характера – смелость, инициативность, честность и стойкость, защитить жизнь воина. <...> Крапива – легендарное растение. В народе бытует история, что Бог наградил крапиву жгучими волосками для лечения ею людей и животных» [8].

С цветами связан образ романтика в произведении М. И. Новьухова «Быть романтиком – доля грустная...». «Цветок мечты» как символ творческой силы и энергии жизни видим в стихотворении поэта «Сегодня день в знамёнах алых...», которое завершается пожеланием:

Пусть никогда не опечалит
твои глаза туман беды;
пусть до могилы не увянет
в твоей душе цветок мечты... [16, 165]

Ощущение себя цветком и целостности этой своей ипостаси с миром, который мыслится как цветочный, рождает в стихотворении М. И. Новьухова «Юный месяц жёлтым попугаем...» утверждение: «У меня в душе такое чувство, / будто мы цветы среди цветов» [16, 120].

Садовые цветы становятся маркером красоты России в творчестве этого же поэта:

Когда я пою о цветах, что в саду
Объятия солнцу раскрыли,
Невольню я славлю твою красоту,
Моя дорогая Россия! [16, 165]

Цветы выступают символом памяти и мирной жизни в стихотворении М. К. Вагатовой «Солдат из камня». Такую же семантику они имеют в произведении Р. П. Ругина «Горсть родной земли»:

Это место для народа свято,
И не вянут здесь поверх плиты
В память Неизвестного солдата
Все цветы, цветы, цветы, цветы.

На граните – белизна и алость,
Разноцветным – нет цветам числа! [18, 264]

И если в произведении М. К. Вагатовой растущие цветы олицетворяют память о тех, кто отдал свою жизнь за мир и покой будущих поколений, то в стихотворении Р. П. Ругина это срезанные цветы, «мёртвые» цветы как символ смерти тех, кто погиб во время войны. Цветами скорби в лирике Р. П. Ругина выступают георгины и роза. Поэт использует цвета белый и алый, усиливая художественное решение антитезы «жизнь-смерть». Здесь же он говорит о том, что цветы на могиле – это нарушение обычая северного народа, который дань памяти отдаёт горстью родной земли:

Мать, вздохнув, впервые растерялась:
Ведь она цветов не принесла,

Ведь природа Севера сурова,
Лето – кратко, холода – круты,
Нет у нас обычая такого –
На могилы приносить цветы.

Краешком платка отёрла слезы –
И туда, на камень, где легли
Георгины скорбные и розы,
Робко положила горсть земли. [18, 264]

Символом смерти воспринимаются увядшие цветы в стихотворении М. И. Новьихова «Когда-то я верил напыщенным фразам...»: «Увянут цветы и рассыплются силы, / неправых и правых помирят могилы» [16, 91].

Цветы как след человека, который он оставляет в жизни, как связь с родной землёй находим в стихотворении М. И. Новьихова «Родному краю». И здесь фиксируется поэтом цвет – алые цветы. Выбор цвета не случаен. «В колористической шкале он является более ярким и светлым оттенком красного цвета. И если красный всегда обозначает энергию жизни, слепую волю, почти животный напор, то алый согрет духовностью. Он царствует там, где есть

страсть, окрашенная романтикой, и любовь, доходящая до самопожертвования. <...> алый цвет символизирует очень сильное чувство – будь то любовь или ненависть, а также высокую степень вдохновения, просветление» [6]:

Родимый край, мои следы
В твоих просторах не завянут.
Они, как алые цветы,
Горят вдоль рек и на полянах. [16, 9]

Цветы как символ искренности, открытости, дружбы находим в стихотворении М. И. Шульгина «Яношу, венгерскому другу», с цветами сравнивает поэт талант «детей народа ханты» в произведении «Хантыйские узоры».

В немногочисленной любовной лирике хантыйских поэтов можно встретить сравнение девушек с полевыми цветами (М. И. Шульгин «Май») и губ возлюбленной с лепестками (М. И. Шульгин «Где ты бродишь?..»). В лирике М. И. Новьихова любовь пахнет мятой («В селе»), преображает мир («Смешно, пожалуй, в возрасте моем...»), а поцелуй «на васильках настоящий» («Если б возвратилось время старое...»).

Переходя об обобщённой номинации «цветы», поэты чаще всего используют розу в разных символических значениях. Энциклопедия символов поясняет, что роза «Один из наиболее распространённых мифопоэтических образов. В пределах многообразного и ёмкого "цветочного" кода роза занимает ведущее место. В древности с образом розы связывали радость, позже – тайну, тишину, но и любовь. Последнее значение стало наиболее устойчивым элементом символа розы. Вместе с тем в Греции, Риме, Китае и позже в ряде германоязычных стран роза стала цветком, связанным с похоронами, со смертью. Нередко её превращали в цветок загробного царства. Более полный набор символических значений розы включает: красоту, совершенство, изящество, радость, любовь, удовольствие, хвалу, славу, пышность, блаженство, аромат, пламенность, гордость, мудрость, молитву, медитацию, тайну, таинство, тишину. Роза может выступать как символ солнца, звезды, богини любви и красоты, женщины <...>» [29].

Завораживающей красотой цветка можно наслаждаться бесконечно. Вот и курносая девчонка в произведении М. И. Новьихова «Влюблённый» любит розами у фонтана, и это отмечает лирический герой.

В стихотворении «Настоящая любовь» М. И. Новьихова роза воплощает то чувство, что обозначено в заглавии произведения, хотя контекстно глубину эмоционального переживания усилил тот факт, что цветок стал траурным.

Роза символизирует начало весны в стихотворениях М. И. Новьихова «Пришла весна официально», М. И. Шульгина «Май». Звезды сравнивает с майскими розами М. И. Новьихов в стихотворении «Новогоднее».

Отцветающие розы обозначают прощание с молодостью, степенность, зрелость, желание испытывать сильные эмоциональные переживания в стихотворении М. И. Новьихова «Розы огневые отцветают...». Не случайно в двух строфах поэт использует синонимичные определения чувств «печально», «грустный», при этом последнее определение связано с ароматом цветка:

Розы огневые отцветают
и под ветром так печально гнутся.
Годы молодые пролетают
и назад уж больше не вернуться.

Я над хрупкой розой наклоняюсь,
грустный аромат её вдыхаю.
С молодостью звонкой расставаясь,
я любить ещё сильнее желаю. [16, 110]

«Чудесный» аромат розы избавляет от забот и усталости. В этом уверяет М. И. Новьихов в стихотворении «Когда я пою о цветах, что в саду...»: «Вот роза – чудесный её аромат / забыть заставляет заботы; / он делает пасмурным ласковый взгляд / рабочих, идущих с работы» [16, 40].

В произведении «Хлеб и Роза» поэт именуется цветок царицей сада. Пшеничный колос, признавая красоту розы, уверен, что время, когда её славили поэты, миновало:

Пшеничный колос повстречался с розой:
«Ах, чёрт возьми! Ты, право, хороша!
Но я не дам и ржавого гроша
За все твои улыбочки и косы.

Да, да! И не изволь перечить,
твои давно отпеты времена... [16, 132]

Поэты всех эпох воспевали розу, поэтому роза стала маркером большой поэзии в стихотворении М. И. Новьихова «С трудом я прочитал книжонку эту...». Изящная литература противопоставлена посредственному сочинительству поэтом как роза и пустоцвет.

Использование пренебрежительного суффикса в слове книга выражает отношение автора к сочинениям, размещённым в издании:

С трудом я прочитал книжонку эту,
В ней роз и винограда вовсе нет.
Как маляры, трудясь по трафарету,
заместо роз выводят пустоцвет.
Он стены комнаты собою украшает,
но не цветёт и не благоухает. [16, 132]

Ещё один цветок, который наряду с розой столь же часто воспевают поэты разных стран, – фиалка. Это «Маленький цветок с сильным запахом. Согласно народному поверью «учит скромности», потому что при всей своей малости является излюбленным символом весны.

Голубой цвет цветов, с которым связывали верность и постоянство, делал их ценным подарком любви. В средние века появление первой фиалки было поводом для весёлых весенних праздников и танцев на открытом воздухе. <...>

В символике цветов маленькая фиалка также ассоциируется со скромностью или смиренностью – символизм фиалок в сценах поклонения волхвов, где они являются ссылкой на целомудрие Девы Марии и на кротость Младенца Иисуса Христа.

В Риме венки из фиалок были символом воспоминания» [29].

М. И. Новьихов, обратившись к этому цветку в своей поэзии, использует традиционную его символику – любви, – признавая место фиалки в образной системе мировой литературы:

Ночная фиалка, – её без конца
поэты всех стран воспевают;
она опьяняет любовью сердца
и веру в любовь утверждает... [16, 40]

В произведении «Век девятнадцатый пылал любовью страстной...» хантыйский стихотворец уверен, что тогда «цвела поэзия фиалкою прекрасной».

Есть в поэтическом наследии М. И. Новьихова характеристика ещё одного цветка – ромашки. Этот цветок является «<...> символом здоровья, добра, нежности, красоты и целомудрия. В христианской мифологии ромашка считается символом невинности младенца Иисуса. <...> По народным поверьям, считается, что там, где падает звезда, расцветает ромашка. Поэтому нужно обязательно загадывать желание, увидев первую в году ромашку» [23].

В стихотворении «В этот вечер голубого мая...» поэтом создаётся новая семантика цветка: через ромашку даётся оценка возлюбленной, рождённая горечью и разочарованием. И если в первой строфе ромашка используется как сравнение, то в последней строфе совсем другой приём применяет поэт:

В этот вечер голубого мая
не могу отбросить горьких строк:
ты ромашку мне напоминаешь –
слабый бесхарактерный цветок <...>

Почему так непривычно страшно
в этот вечер сердцу моему?

Ветер вырвал, подхватил ромашку
И унёс в морщинистую тьму... [16, 119]

Цветущая черёмуха встречается в лирике М. И. Шульгина, М. И. Новьихова, Л. Я. Шульгиной. «Черёмуха олицетворяет молодость, девичью красоту. Символ нежности, чистоты, любви. Как и рябина, она считается покровительницей влюблённых. <...> Цветущая черёмуха – веха, разделяющая два периода весны. Зацвела, значит кончилась зелёная весна и наступает поздняя весна, или предлетье. <...> Согласно легенде, в черёмуху превратилась девушка, которой изменил её любимый жених. Он ушёл к другой, и сердце её похолодело от горя. С тех пор всегда, когда зацветает черёмуха, наступают холода. Марийская народная традиция запрещала ломать её ветки во время цветения. Это объяснялось так: черёмуха молится богу и жалуется, что у неё люди ломают руки и пальцы. Поэтому бог во время цветения черёмухи насылает холод.

У восточных славян и ряда других народов черёмуха, наряду с дубом, берёзой была священным деревом. По преданиям чёрт пытается вредить людям, и потому портит это дерево. Люди же должны беречь черёмуху, защищать, ведь она святая, в её ветках соловей поёт. Гиляки, один из древнейших народов нашего севера, говорят, что срубить черёмуху – убить человека. По поверьям вепсов <...> плоды черёмухи, как и рябины, нельзя было срезать железными орудиями (ножницами, ножом), их можно рвать только руками, ветки её запрещалось бросать в огонь, ими не разрешалось погонять скот» [23].

Галина Ивановна Слинкина в книгу «Сказки земли Югорской» (2002) включила сказку-быль «По совету русского», в которой сообщает, что «Черёмуха на зной отзывчива, вот-вот опустится

чудным душистым цветом. На припёке уже белые кисти, как парное молоко, шелестят-пенятся» [19, 170–171]. Герой сказки больной Афоня наслаждался первым теплом, но простудился и болезнь обострилась. «А черёмушник меж тем весь зацвёл. Белую черёмуху, известно, ветер-север горазд нюхать. <...> рассердился болящий на цветущие ягодные деревья. Наточил топор и кинулся черёмушник валить. <...>

– Белолицы, кудрявые, радуетесь. Мне, белолицему, кудрявому, конец пришёл. <...>

Не успели черёмухи затрепетать в испуге, заслонили их рыбаки <...> в рошу на красу лесную любоваться ходили. <...>

– Недоброе дело – черёмуху сводить. Черёмуховый хлеб разве не едал, черёмуховым настоем живот не пользовал? Черёмуховый прут к зыбке твоей мать пришивала, когда ты ещё не родился совсем. А родился – подрос, из черёмухи лук согнули, игрушку дали: приучайся, играя, к охоте. А ты топор, гляди, нынче навострил, будто на ворога какого» [19, 171].

Выделяя красоту цветущей черёмухи, М. И. Шульгин сравнивает её с невестой в свадебном платье («Жаворонок»). Отметим, что таким же символом любви в наследии хантыйского поэта выступает ветка сирени: «Ветку сирени сломай, / И встретишь улыбку влюблённых» [25, 157]. М. И. Новьихов в стихотворении «30-е мая» говорит о примете, связанной с цветением черёмухи: «Если зацвела черёмуха, жди похолодания»:

Белым цветом черёмуха грела
на лежнёвке идущий народ,
а теперь она вся облетела
и под ветром тоскливо поёт. [16, 92]

Любовь Яковлевна Шульгина посвящает черёмухе отдельное стихотворение «Йом юх» = «Черёмуха». С весенним цветением черёмухи поэтесса связывает лёгкость и волнение души, страстные взгляды, нежные поцелуи, черёмуха дурманит любовью. Л. Я. Шульгина, как и М. И. Шульгин, использует традиционное значение этого цветочного символа. Поэтесса устанавливает прямую зависимость душевных переживаний с цветением черёмухи: «Отцвела черёмуха / Улеглась душа...» [11, 740].

Обсуждение и заключение

В результате анализа поэтических произведений хантыйских авторов пришли к выводу,

что цветочный образ был воспринят не всеми поэтами. Нам удалось зафиксировать шесть имён (М. К. Вагатова, В. С. Волдин, М. И. Новьюхов, Р. П. Ругин, М. И. Шульгин, Л. Я. Шульгина), которые в своём творчестве обратились к собирательной номинации «цветок» или использовали названия растений: «роза», «фиалка», «ромашка», «василёк», «подснежник», «георгин», «черёмуха», «сирень». К этой же группе примыкают ещё две лексемы – «мята» и «крапива».

Своё уникальное развитие цветочный образ с многозначной символикой получил в лирике М. И. Новьюхова. Цветочный словарь автора один из самых наполненных в хантыйской поэзии. Язык цветов помогает поэту не только создать выразительную картину окружающего мира, но и проявить целую гамму чувств.

Исследование показало, что цветочная образность в хантыйской лирике связана с развитием темы природы, темы поэта и поэзии,

темы любви, мотива памяти, дружественных мотивов. Она стала частью философских размышлений о жизни и смерти. Цветы – важная часть образа возлюбленной. С цветами связана эстетика прекрасного в хантыйской поэзии.

Отметим так же, что цветочная образность дополняется в хантыйской лирике ольфакторным кодом, который следует рассматривать не только как элемент выразительности, но и как знак авторского присутствия в тексте. Используется поэтами и цветовая кодировка, усиливающая семантику образа.

Ещё одной чертой цветов в хантыйской лирике становится их антропоморфизм. С цветами связана оппозиция «жизнь – смерть» в творчестве хантыйских поэтов.

Цветочная образность хантыйской поэзии показывает живую связь с русской и мировой литературой. Проведённый анализ позволяет говорить о том, что цветы – это часть флоропоэтики хантыйской литературы.

Список источников и литературы

1. Аверина М. А. Репрезентация лингвокультуры «роза» в русской поэзии серебряного века // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. (16 июля 2014) // URL: <https://sibac.info/conf/philolog/xxxviii/38866> (дата обращения: 02.09.2019).
2. Ващенко М. А. Цветочная символика в сравнительно-культурологическом контексте: дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000. 167 с.
3. Дмитриева Н. Л. Роза у Пушкина и Тургенева // Русская литература. 2000. №3. С. 101–105.
4. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М.: Т-Око, 1992. 362 с.
5. Ильченко Н. М. Цветочная и растительная символика в творчестве немецких и русских романтиков // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 2012. № 18. С. 92–103.
6. Какие загадки таит алый цвет. URL: <https://fb.ru/article/135678/kakie-zagadki-tait-alyiy-tsvet> (дата обращения: 30.08.2019).
7. Крапива – все, что нужно знать. URL: <http://www.krapyva.ru/> (дата обращения: 02.09.2019).
8. Крапива. URL: <https://edaplus.info/directory-herbs/nettle.html> (дата обращения: 02.09.2019).
9. Красиков С. П. Легенды о цветах. М.: Молодая гвардия. 1990. 303 с.
10. Круглова Е. А. Символика розы в русской и немецкой поэзии конца XVIII – начала XX веков: Опыт сопоставления: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 228 с.
11. Литературное наследие обских угров. В 2-х т. / сост. Косинцева Е. В., Динисламова С. С., Панченко Л. Н., Андреева Л. А. Ижевск: Принт- 2, 2016. Т. 1: Мансийская литература, 564 с.; Т. 2: Хантыйская литература, 748 с.
12. Лысковский М. В. Цветочное кружево. Легенды о цветах. М.: Белый город, 2013. 320 с.
13. Молоткова А. И. Концепт «цветок» в языке и поэтической речи: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 21 с.
14. Налегач Н. В. Цветочные образы в поэтическом мире Иннокентия Анненского // *Studia Litterarum*. 2017. Vol. 2. №2. С. 212–229.
15. Ненарокова М. Р. Язык цветов: фиалка в русской поэзии первой половины XIX в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. № 3. С. 125–128.
16. Новьюхов М. И. С надеждой на счастье. Лирика. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. 192 с.
17. Рубинчик О. Е. «Сердце просит роз поблеклых...». Розы у Иннокентия Анненского // Русская литература. 2011. № 1. С. 154–170.

18. Ругин Р. П. Избранные стихи. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. 320 с.
19. Слинкина Г. И. Сказки земли Югорской. Екатеринбург: Пакрус, 2002. 226 с.
20. Смирнова Н. В. Цветок в русской лирике начала XIX века // Известия УрГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. 2001. № 17. С. 113–121.
21. Трафименкова Т. А. Роза в поэзии XVIII - первой половины XIX века // Русская речь. 2012. № 6. С. 3–9.
22. Черепанова Н. Б. Христианская символика цветов в лирике В. В. Гофмана // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 276–286.
23. Чернышева В. Г. Легенды и поверья о растениях. URL: <https://myphs.jimdo.com/2015/05/04/%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%83%D1%85%D0%B0/> (дата обращения: 02.09.2019)
24. Шарафадина К. И. «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (источники, семантика, формы): дис. ... д. филол. наук. СПб., 2004. 431 с.
25. Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. 304 с.
26. У Луцянь. Семантическое поле «цветок» в языке русской художественной прозы второй половины XIX века (на материале произведений И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 292 с.
27. Ужегова С. О. Флоропоэтика А. Блока: Символика цветов // Актуальные вопросы гуманитарных, правовых и социально-экономических исследований: Сб. тр. научно-практич. конф. М.: МГГЭИ, 2013. С. 51–57.
28. Beverly Seaton *The language of flowers: a history*. Charlottesville and London: University press of Virginia, 1995. 234 p.
29. Greif's Peter. *Symbolarium*. Краткая энциклопедия символов // URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B0> (дата обращения: 02.09.2019).
30. Knight Philip. *Flower Poetics in Nineteenth-Century France*. Oxford: Oxford University Press Incorporated, 1986. 296 p.
31. Seward B. *The symbolic Rose*. N.Y.: Columbia University press., 1960. 233 p.
32. 贾军, 卓丽环. 花语综议 // 北京林业大学学报 (社会科学版). 2010 年第 9 卷第 3 期. (Цзя Цзюнь, Чжо Лихуа О языке цветов // Вестник Пекинского университета леса. Серия: Общество и наука. 2010. Т. 9. № 3).

References

1. Averina M. A. *Reprezentatsiya lingvokul'turemy «roza» v russkoy poezii serebryanogo veka* [Representation of linguocultureme «rose» in Russian poetry of the Silver Age]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sb. st. po mater. XXXVIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [In the world of science and art: issues of Philology, art history and culturology: collection of the article of the XXXVIII International scientific and practical conference]. Available at: <https://sibac.info/conf/philolog/xxxviii/38866> (accessed September 02, 2019). (In Russian)
2. Vashchenko M. A. *Tsvetoch'naya simbolika v sravnitel'no-kul'turologicheskom kontekste* [Flower symbolism in a comparative cultural context]. Moscow, 2000. 167 p. (In Russian)
3. Dmitrieva N. L. *Roza u Pushkina i Turgeneva* [Rose at Pushkin and Turgenev]. *Russkaya literature* [Russian literature], 2000, no. 3, pp. 101–105. (In Russian)
4. Zolotnitskiy N. F. *Tsvety v legendakh i predaniyakh* [Flowers in legends]. Moscow: T-Oko Publ., 1992. 362 p. (In Russian)
5. Ilchenko N. M. *Tsvetoch'naya i rastitel'naya simbolika v tvorchestve nemetskikh i russkikh romantikov* [Floral and plant symbolism in the works of German and Russian romantics]. *Vestnik NGLU im. N. A. Dobrolyubova* [Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University], 2012, no. 18, pp. 92–103. (In Russian)
6. *Kakie zagadki tait alyy tsvet* [What mysteries hides red color]. Available at: <https://fb.ru/article/135678/kakie-zagadki-tait-alyiy-tsvet> (accessed August 30, 2019). (In Russian)
7. *Krapiva – vse, chto nuzhno znat'* [Nettle is all you need to know]. Available at: <http://www.krapyva.ru/> (accessed September 02, 2019). (In Russian)
8. *Krapiva* [Nettle]. Available at: <https://edaplus.info/directory-herbs/nettle.html> (accessed September 02, 2019). (In Russian)
9. Krasikov S. P. *Legendy o tsvetakh* [Legends about flowers]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1990. 303 p. (In Russian)

10. Kruglova E. A. *Simvolika rozy v russkoy i nemetskoy poezii kontsa XVIII – nachala XX vekov: Opyt sopostavleniya* [Symbolism of a rose in Russian and German poetry of the late XVIII – early XX centuries: Experience of comparison]. Moscow, 2003. 228 p. (In Russian)
11. *Literaturnoe nasledie obskikh ugrov. V 2-kh t.* [Literary heritage of the Ob Ugrians. In 2 vol.] Izhevsk: Print–2 Publ., 2016. Vol. 1: Mansi literature, 564 p.; Vol. 2: Khanty literature, 748 p. (In Russian)
12. Lyskovskiy M. V. *Tsvetochnoe kruzhevo. Legendy o tsvetakh* [Floral lace. Legends about flowers]. Moscow: Belyy gorod Publ., 2013. 320 p. (In Russian)
13. Molotkova A. I. *Kontsept «tsvetok» v yazyke i poeticheskoy rechi* [The concept flower in language and poetic speech]. Yekaterinburg, 2006. 21 p. (In Russian)
14. Nalegach N. V. *Tsvetochnye obrazy v poeticheskom mire Innokentiya Annenskogo* [Flower images in the poetic world of Innocentiy Annensky]. *Studia Litterarum* [Studia Litterarum], 2017, no. 2 (2), pp. 212–229. (In Russian)
15. Nenarokova M. R. *Yazyk tsvetov: fialka v russkoy poezii pervoy poloviny XIX v.* [Language of flowers: viola in Russian poetry of the first half of the XIX century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2013, no. 3, pp. 125–128. (In Russian)
16. Novyukhov M. I. *Snadezhdoyna schast' e. Lirika* [With hope on happiness. Lyrics]. Shadrinsk: Shadrinskiy Dom Pechati Publ., 2012. 192 p. (In Russian)
17. Rubinchik O. E. «Serditse prosit roz pobleklykh...». *Rozy u Innokentiya Annenskogo* [«The heart asks for faded roses...». Roses of Innocentiy Annensky]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 2011, no. 1, pp. 154–170. (In Russian)
18. Rugin R. P. *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2004. 320 p. (In Russian)
19. Slinkina G. I. *Skazki zemli Yugorskoy* [Tales of Yugra land]. Yekaterinburg: Pakrus Publ., 2002. 226 p. (In Russian)
20. Smirnova N. V. *Tsvetok v russkoy lirike nachala XIX veka* [Flower in Russian poetry of the beginning of the XIX century]. *Izvestiya UrGU. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural State University. Humanities], 2001, no. 17 (3), pp. 113–121. (In Russian)
21. Trafimenkova T. A. *Roza v poezii XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Rose in poetry of XVIII – first half of the XIX century]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2012, no. 6, pp. 3–9. (In Russian)
22. Cherepanova N. B. *Khristianskaya simvolika tsvetov v lirike V.V. Gofmana* [Christian symbolism of flowers in V. V. Hoffmann's lyrics]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], 2012, no. 10, pp. 276–286. (In Russian)
23. Chernysheva V. G. *Legendy i pover'ya o rasteniyakh* [Legends and beliefs about plants]. Available at: <https://myphys.jimdo.com/2015/05/04/%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%83%D1%85%D0%B0/> (accessed September 02, 2019). (In Russian)
24. Sharafadina K. I. «Yazyk tsvetov» v russkoy poezii i literaturnom obikhode pervoy poloviny XIX veka (istochniki, semantika, formy) [«Language of flowers» in Russian poetry and literary usage of the first half of the XIX century (sources, semantics, forms)]. Saint-Petersburg, 2004. 431 p. (In Russian)
25. Shulgin M. I. *Mavi As. Medovaya Ob', poeticheskoe nasledie, posvyashchennoe 70-letiyu so dnya rozhdeniya: sbornik stikhotvoreniy, poem na khantyyskom i russkom yazykakh* [Mavi As. Honey Ob, poetic heritage dedicated to the 70th anniversary of the birth: collection of verses, poems in Khanty and Russian]. Comp. by Velichko N. I. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry Publ., 2009. 304 p. (In Russian)
26. U Lutsyan *Semanticheskoe pole «tsvetok» v yazyke russkoy khudozhestvennoy prozy vtoroy poloviny XIX veka (na materiale proizvedeniy I. A. Goncharova, I. S. Turgeneva, A. P. Chekhova)* [Semantic field «flower» in the language of Russian fiction of the second half of the XIX century (based on the works by I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)]. Moscow, 2015. 292 p. (In Russian)
27. Uzhegova S. O. *Floropoetika A. Bloka: Simvolika tsvetov* [Floropoetics of Alexander Blok: Symbolism of flowers]. *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh, pravovykh i sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy* [Actual problems of humanitarian, legal and socio-economic studies]. Moscow: MGGEI Publ., 2013. pp. 51–57. (In Russian)
28. Beverly Seaton *The language of flowers: a history*. Charlottesville and London: University press of Virginia, 1995. 234 p. (In English)
29. Greif's Peter *Symbolarium* [Symbolarium]. *Kratkaya entsiklopediya simbolov* [A Brief encyclopedia of symbols]. Available at: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B0> (accessed September 02, 2019). (In Russian)
30. Knight Philip *Flower Poetics in Nineteenth-Century France*. Oxford: Oxford University Press, Incorporated, 1986. 296 p. (In English)

31. Seward V. *The symbolic Rose*. N.Y.: Columbia University Press., 1960. 233 p. (In English)

32. 贾军, 卓丽环. 花语综议 // 北京林业大学学报 (社会科学版). 2010 年第 9 卷第 3 期.
(Tszya Tszyun', Chzho Likhua' *O yazyke tsvetov* [About the language of flowers]. *Vestnik Pekinskogo universite-
ta lesa. Seriya: Obshchestvo i nauka* [Bulletin of Beijing Forest University. Series: Society and science], 2010,
no. 9 (3). (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Косинцева Елена Викторовна, доцент, заместитель директора по научной работе БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А, каб. 305), профессор ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», доктор филологических наук.

Kosintseva_elena@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6695-0218

ABOUT THE AUTHOR:

Kosintseva Elena Viktorovna, Associate Professor, Deputy Director on Scientific Work, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, KhantyMansiysk, Mira st., 14A, office 305); Professor of the Yugra State University, Doctor of Philological Sciences.

Kosintseva_elena@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6695-0218